

Ю. А. Арская, *Иркутск*
Иркутский государственный университет
juliaarskaja@mail.ru

А. А. Мамедов, *Иркутск*
Иркутский государственный университет
achmedved@inbox.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА ГЛАГОЛА В ЛИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена функционированию форм настоящего времени несовершенного вида (НСВ) глагола в стихотворениях современных российских поэтов последней трети XX — начала XXI вв. (М. Н. Айзенберга, Е. Г. Боярских, Ю. П. Мориц, В. А. Сосноры, О. Г. Чухонцева и О. А. Юрьева). Выявляются примеры использования глаголов НСВ в постоянно-непрерывном значении для выражения мыслей лирического героя. Выделяется изобразительная функция НСВ, которая реализуется при описании ситуаций, разворачивающихся в перцептивном поле лирического героя, и при создании элементов хронотопа. Показывается, как смена частновидовых значений глаголов НСВ в одном контексте может менять временную перспективу текста.

Ключевые слова: поэтический язык, лингвистическая поэтика, поэтика грамматических категорий, категория вида глагола, художественный мир.

Художественный текст содержит особый художественный мир, функционирующий в соответствии с замыслом автора и вследствие этого представляющий собой самостоятельную семиотическую, во многом автореферентную систему. Одно из принципиальных отличий поэтического текста от прозаического — это выражение смыслов небольшим количеством языковых знаков.

Ю. Н. Тынянов в качестве главных отличий стиха называет «единство и тесноту стихового ряда» [Тынянов 1924: 41], которые, наряду с ритмом, представляют собой, по его мнению, особые условия, предъявляемые языку стихотворной конструкции. Прозаический художественный текст пользуется гораздо большим репертуаром возможностей создания художественного мира. В прозаическом тексте, как правило, присутствуют отчетливая система персонажей, повествователь, определенный хронотоп, множество деталей, фабула и пр.

Поэтический же текст (и в первую очередь лирический) организован прежде всего сознанием лирического героя, хотя в нем могут встречаться и элементы системы персонажей, хронотопа, сюжета и прочих особенностей прозы. Художественный мир лирического текста как бы балансирует между мимесисом и не-мимесисом, т. е. выражением мыслей и переживаний лирического субъекта. При этом, как показала О. Г. Ревзина, стихотворный текст не соотносит языковые высказывания с внеязыковой действительностью, а моделирует особый поэтический мир с их помощью [Ревзина 1998].

С нашей точки зрения, специфика языковой организации поэтического текста обуславливает более существенный вклад грамматических значений в артикулируемые смыслы, чем в случае с прозаическим художественным текстом. Изучением, в частности, этого занимается поэтическая грамматика, являющаяся одной из сфер научных интересов В. Н. Виноградовой.

В данной статье, посвященной поэтике грамматических категорий, рассматривается функционирование форм настоящего времени НСВ глагола в стихотворных текстах М. Н. Айзенберга, Е. Г. Боярских, Ю. П. Мориц, В. А. Сосноры, О. Г. Чухонцева и О. А. Юрьева последней трети XX — начала XXI вв.

С точки зрения современной аспектологии, русский НСВ представляет собой аспектуальный кластер, так как формы НСВ способны выражать целый набор видовых значений, каждому из которых в разных языках мира соответствуют отдельные видовые граммы (см., например, [Плунгян 2011]). Так, НСВ, в отличие от СВ, может обозначать процесс, разворачивающийся в момент наблюдения (прогрессив); повторяющееся и/или привычное действие (хабитуалис); процесс, ограниченный временным отрезком (дуратив); состояние, не охарактеризованное с точки зрения протекания; факт совершения действия; физическую или интеллектуальную способность осуществления действия и др. При этом, если сравнить отдельные частновидовые значения СВ и НСВ, описанные, например, в монографии А. А. Зализняк и А. Д. Шмелева «Введение в русскую аспектологию» [Зализняк, Шмелев 2000], становится очевидно, что у НСВ нет «основного» частновидового значения. Все отдельные частновидовые значения НСВ достаточно употребительны, в то время как частновидовые значения СВ, за исключением конкретно-фактического, периферийны и их реализация существенно ограничена синтаксически или контекстуально. Финитные формы НСВ более употребительны в русском языке, что, вероятно, обусловлено наличием форм всех трех времен в парадигме глаголов НСВ, а также — многообразием его частновидовых значений.

Привлечение Национального корпуса русского языка позволяет установить преобладание форм НСВ по сравнению с формами СВ: по данным основного корпуса (на 13.05.2024 г.) финитных форм изъявительного наклонения НСВ на 49 % больше, чем форм СВ (24 429 477 против 16 384 551). В поэтическом корпусе финитных форм НСВ на 61 % больше, чем форм СВ (1 057 813 против 655 427). Рассмотрим некоторые возможные функции форм настоящего времени НСВ в лирическом тексте.

Поскольку для поэзии характерно присутствие лирического субъекта в тексте, глаголы НСВ часто используются в постоянно-непрерывном значении, выражая его мысли и переживания:

*Многих забыл, а этих помню: Ползиков
и Судариков. Свой у возраста взгляд,
не вспоминаю, а воскрешаю: где они?
что с ними стало?..*

О. Г. Чухонцев. Общее фото.¹

Формы НСВ глагола способны выполнять изобразительную функцию, описывая ситуации, разворачивающиеся в перцептивном поле лирического героя:

*Живого мрака дачный обиход:
скулит собака, соловей поет.
На языке ночном: **скулят, поют,**
и я не понимаю, что я тут.
Поют, скулят, и торкается сад
в потемках: где сестра твоя, где брат?*

О. Г. Чухонцев. Живого мрака дачный обиход...

С помощью этих форм в придаточных предложениях со значением времени и места создаются элементы хронотопа:

*Ты прими меня, море, в свою колыбель,
где и буй ни один не жывал.
Вниз и вниз, мимо всех браконьерских сетей
и застав, я кончаюсь туда,
где осетр тяжелеет в себе сам-третьей
и как кровь солонееет вода*

О. Г. Чухонцев. И не то чтобы тайна сия велика...;

---

¹ Все стихотворные тексты, кроме произведений Е. Г. Боярских и В. А. Сосноры, цитируются по Национальному корпусу русского языка: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.05.2024).

*Такая вот волшебная петрушка,
Вакансия, где козьим молоком
Питается кудрявая пастушка,
Умыв лицо хрустальным родником*

Ю. П. Мориц. Когда берёшь их дивные интриги...;

*Какое счастье — впасть в самозабвенье,
Когда играет музыка живая!..
В моих коленях — джазовое пенье,
Гранёные стаканчики трамвая*

Ю. П. Мориц. Гранёные стаканчики трамвая;

*Город как веер. Это почти Китай.
<...>*

*Там, где торгуют обувью и вином
и фонари стоят в одноногий ряд —
прошлое к ним спиной, будущее спиной,
из никогда в нигде о себе горят,
дворники-воры там стоят на стекле вдвоём,
стекло состоит из зренья и языка*

Е. Г. Боярских. Черновики;

*Когда над Балтийским горят облака,
Чухонской тоскою взбухает щека
И алая к солнцу полоска
Бежит от пивного киоска*

О. А. Юрьев. Письмо с моря, июль 1999 г.

Поскольку действия, описываемые последовательным рядом глаголов НСВ, воспринимаются как происходящие одновременно, то с помощью глаголов НСВ могут создаваться подробные картины художественного мира лирического текста:

*Катит кораблик, не зная куда,
Спящие мимо ползут города,
Компас разбит, сломан секстан,
В снежную мглу глядит капитан*

О. А. Юрьев. Хор на юго-восточный ветер;

*Конец июня. Конница **стоит**
Кузнечиков. Бел земляничный плод.
Во тьме земли уже **глядут** грибы.
Листву **листают** пальцем дерева.
Светла роса, как лунная. Во мхах
Лягушки **лают** немо наукам...
А муха? Вот **летит, шумит**, как шар
В. А. Соснора. Слеза в лесу;*

*Соседи, леди, плотники, рыбаки
в сумраке над рекой
звонят друг другу в тысячи разных мест,
всё такая голь, шантрапа, пруть.
<...>
Звонят друг другу в сумраке на мосту.
В реку **падает** «я иду», «я жду»,
дрожит, дребезжит о лёд.
Руки им **протягивают** еду
не сверху — издалека
Е. Г. Боярских. Мост;*

*липы **перемещают** прищемленные кривизны
кипарисы **покачивают** спрессованной вермишелью
падубы **коченеют** шипами
над пологой рекою вызелены глаза бузины
там галки **зовут** с золоченых дубов к веромщенью
и **сжимаются** елки точно их обципали
в синюю воду **нагибается** голубая ветла
искры **бегут** по боярышнику содрогая
а где моя девочка ветрена и светла
кругломордая дорогая
ах успеть бы досчитать эти выстроенные тополя
инвалидные роты каштанов дождать на подмогу
плачет — на ежевику наколота — тля
золотоголов болеголову **подмаргивает** через дорогу
О. А. Юрьев. Перечень.*

Встречается в лирическом тексте и настоящее изобразительное, выделенное Н. С. Поспеловым [Поспелов 1955: 220]. Настоящее

изобразительное характерно для сюжетной лирики или лирики с элементами сюжета. Например, в стихотворении О. Г. Чухонцева «Общее фото» большой сюжетный фрагмент передает воспоминания лирического героя:

*Вот они — рядом **стоят**,
бок о бок с нами, шпаной девиантной из школы
для дефективных, уличной мелюзгой,
на переключке сорок пятого года
у деревянных сараев в тылу двора,
где молодой инвалид, он же завуч, палку
отложив, **проверяет** по списку: — Быков, **есть?**
Мухин! так, кто у нас тут дальше? Ползиков! —
бумажка не **слушается**, Ползиков, **отзовись!** —
а Ползиков, в шароварах сатиновых,
заправленных в сапоги, стриженный наголо
невозмутимый крепыш, **стоит** как не **слышит**.
потом неожиданно **делает** шаг вперед
и **застывает**, и так **стоит**, один перед всеми;
а долговязый Судариков, в фуфайке куцей своей
с оторванной пуговицей, **дергается** от возбуждения,
что-то **выкрикивает**, но Ползиков весь в себе;
меж тем инвалид, добравшись уже до Якушева,
складывает бумаженцию: — ну, орлы,
с первым вас сентябрем! с боевым крещением!*
О. Г. Чухонцев. Общее фото.

В таких случаях мы имеем дело с текстами, которые «строятся как имитация непосредственного наблюдения восприятия или речевой коммуникации» [Николина 2005: 107] и в которых присутствуют различные выделенные Н. А. Николиной актуализаторы условного момента восприятия (наблюдения) [Там же: 107–110]. Так, в приведенном выше контексте имеется указательная частица (*вот*), вопросительные конструкции (*Быков, есть?*) и различные формы адресации: обращения (*Быков, Мухин, Ползиков, орлы*), императив (*отзовись*). В следующем стихотворении Е. Г. Боярских, помимо этих языковых средств, есть местоимения 2-го лица, формы глаголов настоящего времени 1-го лица с семантикой восприятия, выражающие перцептивную точку зрения:

*Вода, меня коснись, ведь я не яд.
И от меня проснись, ведь я не я.
Ты можешь испытать меня, потрогать,
ты можешь выпить руку или ногу,
так не шути, что ты со мною врозь —
я вижу речь растенья-пониманья
как лестницу его непониманья,
которое мы называем рост*

Е. Г. Боярских. Так вот я кто. Не камень, не зола...

Наличие всех этих показателей в контекстах с формами настоящего времени глаголов НСВ подчеркивает значимость для лирического героя событийной ситуации или коммуникативного акта, описываемых в художественном тексте.

В образных, метафорических контекстах настоящее время глаголов НСВ со значением конкретного физического действия не только усиливает образный эффект за счет изобразительности, но и способствует восприятию ситуации, описываемой рядом глаголов, как единой:

*Слепленный из мягкого, из ватного,
сделанный из снега на воде,
тёмный воздух ищет виноватого,
в накладной выходит бороде.
И уходит. Места не нашлось ему,
в памяти как будто снежный ком —
тёмный воздух, тонкими полозьями
увозящий прошлое тайком*

М. Н. Айзенберг. Слепленный из мягкого, из ватного...

Разные частновидовые значения НСВ реализуются только в характерных контекстах. В лирическом тексте контекст зачастую недостаточен, чтобы однозначно интерпретировать значение вида. В отсутствие референции к реальной действительности точная интерпретация и не требуется от читателя. Однако смена частновидовых значений глаголов НСВ в одном контексте может менять, например, временную перспективу текста. Так, переход от актуально-длительного значения к узуальному в следующем стихотворении

В. А. Сосноры маркирует расширение временного измерения, а также превращает лирического героя в «надмирного» наблюдателя:

Над Ладогой

*на длинном стебле **расцветает** солнце.*

<...>

На берегу валуны

***сверкают**, как маяки.*

Тюлени

***плавают** в недрах влаги, торпедируя сети:*

*они **отъедают** головы сладким сигам,*

*а туловища **оставляют**.*

Иногда

*эта операция **увенчивается** триумфом тюленей,*

иногда

*результаты ее **плачевны**:*

*рыбаки **вынимают** тюленей одновременно с рыбой*

В. А. Соснора. Легенда Ладogi.

Глаголы НСВ в начале стихотворения (*расцветает, сверкают*) имеют в семантике перцептивный компонент, что говорит об актуальном значении вида: действие, процесс или состояние совпадают по времени с моментом наблюдения. Контекст глаголов НСВ последнего предложения, в первую очередь наречие *иногда*, представляет описываемые ситуации повторяющимися и не связанными с моментом речи. Что касается глаголов *плавают, отъедают* и *оставляют* в середине текста, то в предложении нет контекстуального индикатора частновидового значения, так что они могут быть интерпретированы и как актуально-длительные действия, и как узуальные. Таким образом с помощью игры с интерпретацией глаголов НСВ настоящего времени в тексте осуществляется переход от актуальной ко вневременной перспективе.

Таким образом, формы настоящего времени НСВ в силу своего образительного потенциала используются в поэтическом тексте для создания элементов хронотопа и сюжета, а также усиливают образность. Контекст употребления данных форм не всегда позволяет однозначно интерпретировать их частновидовое значение, что в целом соответствует такой черте поэзии, как нереферентность. Однако в отдельных случаях сочетание форм настоящего времени НСВ в разных частновидовых значениях создает художественный эффект расширения временной перспективы и наделения лирического субъекта всезнанием.

ЛИТЕРАТУРА

Боярских Е. Г. Народные песни дождевых червей. New York, Ailuros Publishing, 2016. 73 с.

Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 221 с.

Николина Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Том I. М.: Азбуковник, 2005. С. 73–187.

Плунгян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica, 57.2, 2011, pp. 290–310.

Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 219–221.

Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. ... докт. филол. наук в форме научн. доклада. М.: МГУ, 1998. 86 с.

Соснора В. А. Песнь лунная: Стихи. Л.: Советский писатель, 1982. 176 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924. 139 с.